

1. Культурная политика советского государства

Прежде всего нужно учитывать, что культурная политика советского государства определялась сформулированными В. И. Лениным принципами партийного руководства духовной сферой, планом так называемой «культурной революции».

В. И. Ленин впервые ввел термин «культурная революция», рассматривая ее составной частью социалистического строительства. Особое место в ней занимают идеологические аспекты, а именно установление партийной монополии на власть в сфере культуры, идеологизацию духовной жизни общества в сфере требований партийной программы, принцип партийности художественного творчества, классовый подход к культурному наследию.

«Главенствующую» роль в «культурной революции» Ленин отводил партии большевиков, на которую возлагалась задача обеспечения идейно-целенаправленного, социалистического характера всех процессов в сфере культуры, торжества «миросозерцания» марксизма. Партийные органы стали на путь прямой подмены государственных органов, внедрились административно-командный стиль руководства культурным строительством. Все это пагубно сказалось на процессе развития всех областей культуры после Октября 1917 г.

Специально надо выделить вопрос об отношении Ленина к культурному наследию. Он призывал коммунистов строго соблюдать принцип марксистской идейности в отношении к культурным ценностям прошлого, чтобы «не загромождать своего ума тем хламом, который не нужен». Именно в силу действия этого идеологического принципа наша страна на протяжении многих десятилетий находилась в стороне от мирового культурного процесса, не имела возможности для восприятия общечеловеческих духовных ценностей.

Еще задолго до Октября 1917 г. Ленин выдвинул тенденциозную классовую теорию «двух культур» в каждой национальной культуре, подразделяя ее на прогрессивную-социалистическую и реакционную-буржуазную. Коммунисты, по ленинской мысли, из каждой национальной культуры должны брать только социалистические элементы. Применяя этот принцип культурного наследия дореволюционной России, Ленин учил различать в нем «реакционное» наследие Пуришкевичей, Струве, Гучковых и «прогрессивное» наследие Чернышевского и Плеханова.

Для правильного понимания подхода руководителей советского государства к культурной политике необходимо учитывать тот определяющий факт, что культура и просвещение даже в малой степени не ставились по важности в один ряд с политикой и экономикой. Культуру и образование большевики считали только «третьим фронтом», отдавая приоритет политике и экономике.

С подобным подходом не был согласен лишь нарком просвещения А. В. Луначарский, который считал развитие культуры и образования главным средством построения социализма. Он призывал руководителей партии и государства к активизации усилий в сфере образования. Луначарский считал, что если не будет развиваться культура, то окажутся напрасными и захват партией власти и сдвиги в экономике.

В 20-е годы Луначарский настойчиво добивался увеличения выделяемых Наркомпросу ассигнований. Это было трудным делом, особенно в годы военно-го коммунизма и гражданской войны. Страна оказалась на грани финансового краха, и советское правительство располагало совсем небольшими ресурсами для выделения их любым комиссариатам, особенно Наркомпросу. Это частично объясняет, почему советское государство не могло так скоро, как намеревалось, ликвидировать неграмотность и создать всеохватывающую систему образования.

Вопросы культурного строительства Октябрьской революции оказались в центре острой идейной борьбы. При этом она принимала далеко не демократический характер и доходила до применения мер насилия со стороны партийных и государственных советских органов в отношении инакомыслящих.

Даже среди руководителей партии большевиков не было единства взглядов по вопросам развития культуры, ее сущности, отношения к культурному наследию. Так, Л.Троцкий исходил из концепции о невозможности создания пролетарской культуры в переходный период от капитализма к социализму. Решение этой задачи он относил к отдельному будущему, когда, по его убеждению, победит социалистическая революция в мировом масштабе. Троцкий выступал за политику принуждения и администрирования в отношении к творческой интеллигенции, которая не хотела подчиниться партийному диктату в сфере культуры. Нигилистически относился к культуре прошлого Н.Бухарин, полагая, что старую культуру «надо сломать», а знакомство пролетариата с культурными ценностями человечества, по его мнению, означает « плен » у буржуазной культуры.

Против ленинских принципов « культурной революции » активно выступали руководители пролетариата. Надо отметить, что они вполне обоснованно выступали против монополии партии большевиков на власть в сфере культуры, считая « большим унижением культурного достоинства рабочего класса, отрицанием его права культурно самоопределиться ».

Немало оппонентов у ленинской « культурной революции » было среди видных представителей старой российской интеллигенции. Они были едины в стремлении доказать гибельность партийного диктата, насилия в сфере культуры, уничтожения культурных ценностей прошлого для судеб народов России. Так, Н.Бердяев считал, что партия большевиков, отвергая культурное наследие, « создает безобразную цивилизацию » и призывал спасти культуру от вандализма революции.

Немало резких упреков в адрес культурной политики партии большевиков было высказано после Октябрьской революции М.Горьким. Он выступал против насилия в отношении интеллигенции. « С коммунистами, — писал он, — я расходился по вопросу об оценке роли интеллигенции в русской революции ». В своих « Несвоевременных мыслях и рассуждениях о революции и культуре » Горький отмечал, что после революции было « две злобы »: борьба партий и культурное строительство, и при этом подчеркивал, что « политическая борьба делает строительство культуры почти невозможным ».

М. Горький призывал к консолидации все научные и культурные силы страны, чтобы, объединившись, помочь русскому народу преодолеть бескультурье. Он заявлял, что аресты представителей старой интеллигенции, тех, кто не может принять программу большевиков, позорны для демократии и будут постепенно усиливать ненависть к пролетариату.

Слова М. Горького находят подтверждение в воспоминаниях Ф.И.Шляпина. Рассказывая о трудных днях после Октябрьского переворота, Шляпин пишет, каким пренебрежительно-презрительным, если не сказать человеконенавистническим, было отношение некоторых коммунистов к людям выдающимся и талантливым, ибо, по их мнению, «талант нарушает равенство».

Представляется, что для преодоления кризисного состояния нашей культуры особый практический смысл приобретают проблемы изучения исторического опыта культурного строительства в Советской России. При этом поучителен не только положительный опыт, но и негативные уроки прошлого.

II. «РЕФОРМА» народного образования и науки

Самой злободневной практической задачей в сфере культуры после Октябрьской революции являлась ликвидация массовой неграмотности населения страны. Общегосударственный характер эта работа получила после принятия Совнаркомом 26 декабря 1919 г. декрета «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В целях объединения усилий всех организаций в этом деле в июле 1920 г. при Наркомпросе была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК ликбеза). Только за первый год работы эта комиссия обеспечила издание 39 видов букварей тиражом более 6,5 млн. экз., в том числе 2 млн. экз. на национальных языках. К концу 1920 г. в стране было создано свыше 40 тыс. школ и пунктов ликбеза для взрослых, в которых обучалось 1,2 млн. человек.

Однако планы ликвидации неграмотности не выполнялись в установленные сроки. Так, в 1920 г. намечалось обучить 6,5 млн. неграмотных, а фактически обучали около 3 млн. человек. Большие трудности в этой деятельности возникли в первые годы нэпа, когда финансирование всей сферы просвещения было передано на места. Бюджет же местных Советов не позволял выделить в необходимых размерах средства на эти цели. Поэтому с 1921 г. наблюдался резкий спад темпов ликвидации неграмотности. В 1921 г.

число пунктов ликбеза сохранилось с 88 до 15 тыс., т.е. на 82%.

Активизация усилий общественности в борьбе с неграмотностью способствовало созданию осенью 1923 г. добровольного общества «Долой неграмотность» (ОДН), которое возглавил председатель ВЦИК М.И.Калинин. Уже в январе 1924 г. на местах было создано более 2 тыс. ячеек этого общества, в которые входило свыше 100 тыс. человек. А к концу 1925 г. в ОДН состояло 1,6 млн. членов.

Следует отметить, что для деятельности партийных и советских органов было характерно стремление, как можно быстрее, покончить с неграмотностью. Отсюда и появились командно-административные методы в руководстве этим процессом, элементы формализма, а затем и преувеличение достигнутых результатов при отчетности за эту работу.

Нередко организаторская работа подменялась административным нажимом. Например, в феврале 1920 г. Третья Всероссийская конференция заведующих губернскими школьными отделами санкционировала применение карательных мер против лиц, не желающих учиться. В мае 1920 г. народный суд в Петрограде рассматривал дело по обвинению 50 человек в уклонении от обучения грамоте. Суд приговорил обвиняемых к пяти месяцам принудительных работ.

В самом Декрете Совнаркома предусматривалось привлечение к уголовной ответственности лиц как уклонявшихся от обучения грамоте, так и препятствующих неграмотным посещать школы. Таким образом, подобные действия местных органов имели юридическую основу.

Однако все это не приносило желаемых результатов. По переписи населения 1926 г. грамотность в стране к тому периоду достигла только 56%.

С первых дней Советской власти осуществлялась школьная реформа. Характерной чертой ленинского подхода к этим проблемам являлось стремление сделать школу «орудием диктатуры пролетариата», а учителей тесно «связать» с «агитационно-пропагандистским аппаратом» партии. Без указаний партийных комитетов по самым мельчайшим школьным делам учителя не имели права строить свою

педагогическую деятельность. Усилия учителей были сосредоточены не на главном их поприще, а на функциях пропагандистов, агитаторов, лекторов.

В осуществлении школьной реформы в начале 20-х годов возникли огромные трудности при переводе финансирования народного образования на скудный местный бюджет. Число начальных школ в 1921 г. сократилось на 16 тыс., а количество учащихся — на 1,5 млн человек. Доля народного просвещения в государственном бюджете в 1922 г. уменьшилась с 26% в 1920 г. до 10%. В связи с этим сеть школ не отвечала потребностям и решению задач начального всеобщего образования. По данным Наркомпроса, в 1924 г. в школах обучалось только 45% всех детей школьного возраста.

Одной из важных задач советского государства была реформа системы высшего образования и науки. В подписанном В.И. Лениным 1 августа 1918 г. декрете Совнаркома «О правилах приема в вузы» предусматривалось преимущественное право поступления в высшие учебные заведения лиц из среды пролетариата и беднейшего крестьянства. Для подготовки рабоче-крестьянской молодежи к поступлению в вузы создавались рабочие факультеты. В середине 20-х годов выпускники рабфаков составляли половину студентов вузов.

Надо отметить, что и высшая школа в своем развитии испытала огромные трудности, связанные с хозяйственным и финансовым кризисом в стране. В августе 1924 г. Совнарком принял решение о значительном сокращении числа вузов. Прием в них в 1924 г. был уменьшен по сравнению с 1923 г. почти в три раза: с 37 до 13 тыс. человек.

Необходимо отметить, что главной задачей в сфере высшего образования ЦК РКП(б) считал «идейное завоевание высшей школы», повышение роли коммунистов во всей деятельности вузов. Этим целям было подчинено создание при ЦК партии Всероссийского объединения комстуденчества в 1922 г.

В соответствии с постановлением X Всероссийского съезда Советов с мая 1923 г. в вузах вводилась плата за обучение. И только членам партии и комсомольцам представлялось право бесплатного обучения в них. Надо сказать, что в отношении осуществления классового, партийного принципа приема и обучения в вузах не было единства среди руководителей Наркомпроса. Так, Н. К. Крупская считала, что «пролетарское происхождение есть лишь известная предпосылка, благоприятный шанс, что из человека выйдет сознательный пролетарий», но эта предпосылка, по ее мнению, не должна быть

Автор: С. А. Галин, Е. В. Александрова
23.01.2011 22:26 -

определяющей при приеме в вузы и обучении в них. Главным фактором при этом должен быть уровень знаний. Но этот верный принцип тогда отвергался руководителями пар-тии.

В первые послереволюционные годы в России внедрялась и новая система организации науки. В ее основу были положены следующие принципы: сближе-ние науки с производством, сбалансированное развитие теоретических и прак-тических исследований, организация коллективных научных трудов. Только за 1918-1921 гг. число научных учреждений пополнилось 50 новыми научно-исследовательскими институтами.

В 1925 г. Совнарком принял постановление «О признании Российской академии наук высшим учебным учреждением СССР». Она получила наименова-ние «Академии наук СССР».

Положение ученых и науки стало ухудшаться с 1927 г. Это было связано с тремя событиями: расстрелом без суда двадцати ученых в июле 1927 г., якобы за их «контрреволюционные взгляды», созданием общества работников науки и техники для с одействия социалистическому строительству (ОРНИТСО) и административно-командными выборами в Академию наук СССР. Безрассудный расстрел «двадцати» поколебал зародившуюся было веру ученых в то, что гражданский мир и законность укоренились в жизни советско-го общества. Создание ОРНИТСО требовало от каждого ученого заявить о своей политической лояльности.

Тягчайшее впечатление на всех ученых произвела история с выборами в Академию наук СССР в 1929 г. Отделения представили общему собранию АН СССР для избрания 42 кандидата, но из них трое коммунистов — философ А. М. Деборин, историк Н. М. Лукин и философ В.М. Фриче — не получили необходимые по уставу 2/3 голосов. Одновременно в Академию были избраны пятеро других коммунистов (до того коммунистов в составе академии не было).

Самым разумным было бы принять случившееся как нормальное проявле-ние демократии. Но утвердившейся уже к этому времени административно-командной системе потребовалось сделать этот случай поводом для борьбы со «своеволием»

академии. В печати против решения общего собрания была под-нята грубая, оскорбительная кампания. После этого намеченные кандидаты бы-ли включены в состав Академии. Кроме того Академия наук была слита с Комакадемией, подчинена Совнаркому и превратилась в рядовое бюрократическое учреждение, министерство от науки.

III. Революция и интеллигенция

Октябрь 1917 г. стал особым рубежом в истории отечественной интел-лигенции. Большинство интеллигенции не могло отказаться от демократиче-ских форм разрешения общественных противоречий и не хотело идти в массо-вый террор, гражданскую войну, «немедленный» социализм и мировую рево-люцию. Другая часть считала такой путь неизбежным и потому поддержала Ок-тябрь. Первым следствием подобного размежевания интеллигенции была мас-совая эмиграция. За границей оказалось немало художественной и научной ин-теллигенции. Такая утечка умов не могла не привести к существенному пони-жению духовно-интеллектуального уровня в стране.

Поэтому место интеллигентных, образованных руководителей занимали менее культурные фигуры, в глазах которых обладание властью было куда бо-лее весомой ценностью, чем обладание знанием. И чем заметнее обнаружи-валось это противоречие, тем больше новый слой партийных и советских управленцев воспринимал прежнюю интеллигенцию как помеху их амбициоз-ным политическим устремлениям.

Постепенно усиливается недоверие к старой интеллигенции, которая вос-принималась как «буржуазная», как «попутчик», требующий перевоспитания. В сущности, происходит разрыв с отечественными традициями интеллигенции — последняя трактуется лишь как специалисты («спецы»). Отныне интеллигент-ские профессии прочно зачисляются в категорию «служащих». Они становятся чем-то вроде интеллектуальной услуги, к тому же требующей присмотра.

Скажем, к директору из рабочих придается специалист, или к специалисту-руководителю представляется комиссар из рабочих. И это соответствовало партийной линии по отношению к старой интеллигенции. Именно Ленин указывал, что необходим строгий контроль пролетариата за «спецами», чтобы поставлять их «в определенные рамки». Услугами «буржуазных» интеллигентов, по ленинской мысли, можно воспользоваться лишь «при полном соблюдении верховенства руководства и контроля Советской власти».

При этом важно подчеркнуть, что сразу после Октября 1917 года Ленин подчеркивал необходимость изыскания ненасильственных способов вовлечения старой интеллигенции в дело социалистического строительства. «Если, — говорил он, — все наши руководители не достигнут того, чтобы мы как зеницу ока берегли всякого спеца, работающего добросовестно со знанием своего дела и с любовью к нему, хотя бы и совершению чуждого коммунизму идейно, то ни о каких серьезных успехах в деле социалистического строительства не может быть и речи».

Как видно, тогда Ленина не пугала разнородность идейно-политических позиций, плюрализм мнений среди интеллигенции и на первый план им ставились демократические методы взаимодействия с ней, «если бы мы натравили на интеллигенцию, — заявил он, — нас следовало бы за это повесить. Но мы не только не натравливали народ на нее, а проповедовали от имени партии и от имени власти необходимость предоставления интеллигенции лучших условий работы».

Однако уже в 1919 г. в своей Программе партия большевиков в конфронтационном духе ставила задачу — не давать буржуазным специалистам «ни малейшей политической уступки и беспощадно подавлять всякое контрреволюционное поползновение с их стороны. Именно в соответствии с этими партийными требованиями осуществлялось необоснованное насилие по отношению к старой интеллигенции. В первую очередь в той ее части, которая осмелилась открыто высказывать свои позиции, взгляды на процессы революционных преобразований в стране, которые расходились с партийными установками. Дело дошло даже до арестов только за принадлежность в прошлом к буржуазным партиям.

Эти перекосы в политике по отношению к интеллигенции приобрели такой широкий характер, что даже Политбюро ЦК РКП(б) вынуждено было вмешаться в этот процесс после решительного протеста М.Горького, А.Луначарского и Л.Каменева против

Автор: С. А. Галин, Е. В. Александрова
23.01.2011 22:26 -

массовых арестов научной интеллигенции. 11 сентября 1919 г. было принято решение о пересмотре списков арестованных ученых за их былую принадлежность к партии кадетов. Многие арестованные были освобождены.

Однако необоснованные аресты интеллигенции продолжались. М. Горький в октябре 1919 г. вновь обратился по этому вопросу к председателю ВЧК Ф. Дзержинскому. Он в очередной раз подчеркивал, что смотрит на аресты представителей науки «как варварство, как на истребление лучшего мозга страны».

Поразительно точно трагические судьбы русской интеллигенции предсказал А. Блок. В июне 1919 г. уже после некоторого опыта сотрудничества с советскими органами власти, поэт записывает в дневнике: «Чего нельзя отнять у большевиков — это их исключительной способности вытраивать быт и уничтожать отдельных людей». А в мае 1921 г. он с горечью замечает: «В Москве зверски выбрасывают из квартир массу жильцов — интеллигенции, музыкантов, врачей и т.д.»

Уже после окончания гражданской войны в августе 1921 г. был осуществлен первый массовый расстрел интеллигенции: по обвинению в «контрреволюционной» деятельности были расстреляны поэт Н. Гумилев и еще более 60 человек. Это было чисто политическое убийство интеллигентов — носителей интеллектуального богатства России.

Массовые расправы с интеллигенцией осуществлялись в русле трансформации послереволюционной ленинской позиции. В марте 1922 г. в статье «О значении воинствующего материализма» Ленин высказал мысль о целесообразности высылки за границу, в страны буржуазной «демократии», некоторых буржуазных теоретиков, преподавателей и членов «ученых обществ».

В письме Ф. Дзержинскому от 19 мая 1922 г. Ленин писал: «К вопросу о высылке за границу писателей и профессоров, помогающих контрреволюции. Надо это подготовить тщательнее. Без подготовки мы наглупим. Прошу обсудить такие подготовки... Собрать систематические сведения о политическом стаже, работе и литературной деятельности профессоров и писателей. Поручить все это толковому, образованному и аккуратному человеку в ГПУ». Из этого видно какую большую заботу Ленин проявил о соблюдении

«чести» партийного мундира, при самой драконовской политике по отношению к лучшим умам России.

Претенденты на высылку определялись еще с февраля 1922 г., когда по указанию Ленина была начата с участием ВЧК массовая проверка на «контрреволюционность» издательств, периодических изданий, их авторов и сотрудников. К этой работе Ленин рекомендовал подключить членов Политбюро ЦК РКП (б), в их обязанность вменялся «просмотр» печатных изданий.

В числе «законнейших» кандидатов на высылку за границу Ленин видел сотрудников журнала «Экономист» который он называл «органом современных крепостников». «Все это явление контрреволюционеры, — указывал Ленин, — по-собники Антанты, организация ее слуги и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постоянно и систематически и высылать за границу». К этой кампании подключилась и ленинская «Правда»: 2 июня 1922 г. она опубликует гневную, обличительную статью «Диктатура, где твой хлыст?». По-водом формальным для гнева послужила брошюра Ю.Айхенвальда «Поэты и поэтессы», касавшаяся истории русской поэзии. Здесь был дан положительный отзыв о поэзии Н.Гумилева, недавно безвинно расстрелянного. «Правда» в резкой форме литературные проблемы переводит в политические. «Мы здесь не литературную критику или антикритику собираемся писать. Мы ставим чисто политический вопрос. Или вернее — мы зовем к политическому ответу». И он последовал.

В августе-сентябре 1922 г. из России по указанию Ленина в административном порядке было выслано около 200 лучших представителей интеллигенции. Назовем среди них таких известных философов, как Н.А.Бердяев, Н.А.Лосский, П.А. Сорокин, историка А.Кизеветтера, экономистов В.Бруцкуса и С.Н.Прокоповича.

В приговоре, принятом без судебного разбирательства, говорилось: «По постановлению Государственного политического управления наиболее активные контрреволюционные элементы из среды профессоров, врачей, агрономов, литераторов высланы в северные губернии, за границу... Высылка активных контрреволюционеров из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти к этим слоям. Информация о высылке, опубликованная в «Правде» 31 августа 1922 г. так и называлась «Первое пред-упреждение».

Автор: С. А. Галин, Е. В. Александрова
23.01.2011 22:26 -

Надо сказать, что уже тогда начали использовать демагогический прием — ссылки на «одобрение трудящихся», на «народ требует». Та же «Правда» апри-орно утверждала, что, несомненно, с горячим сочувствием встречено со стороны русских рабочих и крестьян.

В истории послереволюционной России эта административная высылка большой группы интеллигенции была первым случаем, когда людей «выдворяли» из собственного отечества, не спросив у них согласия. Их изгнали в мирное время только потому, что они не хотели менять свои убеждения в угоду идеологическим концепциям большевиков. Эта интеллигенция вела идейную борьбу против монополии одной партии в духовной сфере жизни общества и потому становилась неуютной новому режиму. Угодничать она не могла и не хотела.

В философской автобиографии «Самопознание» Н.Бердяев позже писал:

«С коммунизмом я вел не политическую, а духовную борьбу против его духа, против его вражды к духу... Русская революция была так же концом русской интеллигенции. Русская революция отнеслась с черной неблагодарностью к русской интеллигенции, которая ее подготовила, она ее преследовала и низвергала в бездну»..

Против необоснованного административного произвола в отношении ин-теллигенции выступил тогда М.Горький. В письме к А.Рыкову он с болью пи-сал: «За время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бес-смыслие и преступность истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране».

Репрессивная политика Советской власти и партии большевиков находилась в противоречии с тем, что провозглашалась ранее Лениным как «новый курс» в отношении «буржуазных спецов», «союз науки и демократии». Еще в декабре 1918 г. он говорил, что «мы достаточно сильны теперь, чтобы не бояться ничего. Мы всех переварим. Они вот нас не переварят». Однако уже после окончания гражданской войны получилось так, что Ленин и большевики побоялись инакомыслия со стороны интеллигенции, которая, по словам Бердяева, и не являлась «антисоциалистической», а просто отстаивала «принцип духовной свободы».

Заключая эту тему, важно отметить, что после смерти Ленина враждебные взгляды по отношению к интеллигенции еще больше стали насаждаться в стране. Как отмечала И. К. Крупская в июле 1925 г. «вопрос об интеллигенции по-прежнему стоит особенно остро», потому что широкие слои рабочих и крестьян отождествляют интеллигенцию с крупными помещиками и буржуазией. Только Крупская упустила такой важный фактор, как влияние большевистской пропаганды на формирование у рабочих и крестьян указанных представлений об интеллигенции.

IV. Трагедия культурного наследия России

Важным аспектом культурного строительства после Октября 1917 г. являлась работа по сохранению и овладению народом культурного наследия, охране культуры и истории. Первым актом Советской власти в этой области стало решение Петроградского военно-революционного комитета от 25 октября 1917 г. о назначении комиссарами «по защите музеев и художественных коллекций» Б.Д.Мандельбаумана и Г.С. Ятмалова. Они прежде всего приняли меры для охраны Зимнего дворца и Русского музея.

В мае 1918 г. Наркомпрос принял решение об образовании Отдела по делам музеев и охраны памятников, который возглавила Н.И.Троцкая, супруга Л.Д.Троцкого. Основой всего последующего законодательства в области охраны памятников и культурных ценностей стали подписанные В.И.Лениным декреты «О запрещении вывоза за границу предметов особого художественного и исторического значения» и «О регистрации, приема на учет и охраны памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений».

Только за 1918-1920 гг. Наркомпрос поставил на учет свыше 550 старинных усадеб, около тысячи частных коллекций, почти 200 тыс. произведений искусства. Под государственную охрану были взяты Ясная Поляна, Эрмитаж, Третьяковская галерея, памятники Кремля и Красной площади. Однако не все благополучно, как изображалось ранее, обстояло в этом деле. Взятые формально под охрану государства на практике многие памятники культуры и старины оказались без защиты.

Следует отметить, что в массе рабочих и крестьян взяло верх нигилистическое отношение к культуре прошлого, что воспринималось как выражение подлинно революционного отношения ко всему наследию прошлых эпох. Прежде всего ломали, грабили, конечно, то, что в сознании неграмотной массы населения ассоциировалось с буржуазной культурой.

Советская историография на протяжении длительного времени идеализировала и романтизировала революционное насилие и погромы барских усадеб. А сегодня нам, может быть, как никогда раньше, становится ясно, что такая идеализация похожа на опасный бумеранг. Насилие по отношению к культурному наследию стало печальной страницей в истории российской революции, оставило глубокие, долго незаживающие раны.

Но, не справедливо все потери в культурном наследию относить на счет крестьянства и рабочих. Факты показывают, что политика «непочтения» культуры прошлого и памятников старины вошла в практику органов новой власти. Для них считалось революционным долгом выгнать из собственного дома К.Станиславского, сжечь усадьбу А.Блока, «уплотнить», а потом и совсем выдворить из России Ф.Шаляпина, сбросить со второго этажа рояль С.Рахманинова.

Созданный в 1918 г. Государственный музейный фонд, который обязан был поставить на учет и хранение культурные и художественные ценности, а также распределить их по музеям, приступил к этой работе только к концу гражданской войны. Но до этого времени многое уже было разграблено и уничтожено. Более того, само хранилище Госмузейфонда представляло собой «гигантскую свалку бесхозных сокровищ», которые стали легкой добычей альянса Наркомвнешторга, антикваров и западных коллекционеров.

С начала 1918 г. в Москве и Петрограде началась широкая официальная распродажа историко-культурных ценностей, богатейших книжных и художественных коллекций за границу с целью получения валюты. В газете «Петроградский голос» 20 марта 1918 г. была помещена тревожная статья «Распродажа Петрограда»: «За все время существования Петербурга не было в нем таких распродаж имущества, какие происходят теперь. Распродаются богатейшие специальные библиотеки, целые галереи, редкие коллекции, обстановка, утварь и пр. Есть ли покупатели? Да, есть, но исключительно в лице коммиссионеров, действующих по поручениям из Берлина,

Лондона, Нью-Йорка».

По инициативе М.Горького в 1919 г. была создана специальная комиссия для выявления, сбора и изучения национализированных произведений искусства, антикварных ценностей, предметов роскоши. Но большое количество из них уже было вывезено за рубеж. Против этого варварского разграбления национального культурного достояния гневно протестовал М.Горький в своих знаменитых «Несвоевременных мыслях» — заметках о революции и культуре:

«Грабят — изумительно, артистически, нет сомнения, что об этом процессе са-мограбления Руси история будет рассказывать с величайшим пафосом. Грабят и продают церкви, военные музеи, грабят дворцы бывших великих князей, расхищают все, что можно расхитить, продается все, что можно продать».

В настоящее время стали достоянием гласности такие позорные страницы в культурной политике 20-х годов, как официальная распродажа отечественных историко-художественных ценностей. В планомерном порядке за бесценок за границу «уходило» бесчисленное количество настоящих шедевров. По словам настоятеля православного собора в Вашингтоне Д.Григорьева «на Западе были ошеломлены количеством русских исторических произведений, которые за бесценок вывозились из СССР в Западную Европу и США буквально мешками».

Сотни книг императорской библиотеки из Зимнего дворца находятся сей-час в фондах библиотеки Конгресса США. Основание этой коллекции положено в 20-х годах, когда Советское правительство, остро нуждаясь в валюте, само предлагало иностранцам книги, картины и другие культурные ценности. По признанию И.Перлштайна — главного поставщика книг для библиотеки Конгресса США — книги из императорской библиотеки великих князей ему продавались на вес. В архивах библиотеки Конгресса США сохранились счета, подтверждающие эти сделки: 318 произведений в 757 томах были приобретены за 3131 долл., т.е. немногим больше 4 долл. за книгу.

Своеобразным «теоретическим» прикрытием официальной распродажи культурного достояния России служила заведомо несостоятельная идея о том, что пролетарская революция завоеует скоро весь мир и все к нам и вернется. Существовала и такая «лжетеория», что произведения искусства не могут быть достоянием одной страны, ценность шедевров неизменна и не зависит от их местонахождения.

Именно такие идеи высказывал, например, нарком внешней торговли А.Микоян в разговоре с американским коммерсантом А.Хаммером, недоумевавшим по поводу абсурдных распродаж культурных ценностей России за границу. Микоян в связи с этим заявил ему: «Пока забирайте картины, ладно. Мы не возражаем, если вы их возьмете на время. Но мы сделаем революцию в вашей стране и вернем их обратно».

Бесценные культурные сокровища использовались в качестве бесчисленных «даров» западным банкирам, чтобы любыми путями получить иностранные кредиты. Немалые культурные ценности передавались по дипломатическим каналам. Так, например, Польше после заключения Рижского мирного договора были подарены около ста скульптур из Летнего сада в Петрограде и много других памятников культуры.

В качестве своеобразного дипломатического средства в кампании по установлению дипломатических отношений СССР с зарубежными странами использовались советские коммерческие художественные выставки. Так, в 1924 г. инициаторы организации «Русской художественной выставки» в Нью-Йорке бывший глава американской миссии Красного Креста в России Раймонд Роби-нс и сенатор Вильям Борах убеждали президента США Кулиджа и государственного секретаря Хагса признать Советский Союз. Эту кампанию поддерживали и другие коллекционеры и дельцы, финансировавшие выставку.

За период с 1922 по 1940 г. за рубежом состоялось 30 крупных аукционов, множество тайных и публичных распродаж культурных и художественных ценностей нашей страны. Первой официальной выставкой-распродажей была «Русская художественная выставка», открывшаяся в Берлине 15 октября 1922 г. В ее организации активное участие принимал А.В.Луначарский, который считал, что «пропагандистский эффект оправдывает все». На эту выставку было отобрано свыше 200 лучших произведений «русского авангарда», которые в стране были отнесены к «эстетически малоценным» и «идеологически вредным». Поэтому от данного искусства решили избавиться. В 1923 г. по этим же соображениям были проданы в США все работы В.Д.Поленова на библейские темы.

В структуре Наркомата внешней торговли в 1925 г. было создано Всесоюзное объединение «Антиквариат». При его посредничестве за рубеж были проданы многочисленные культурные ценности нашей страны. При этом ставка делалась на продажу именно шедевров искусства, так как выручка от продажи второстепенных

вещей не могла дать солидных сумм в валюте.

«Первым» покупателем советских художественных шедевров слыл в середине 20-х годов глава Иракской нефтяной компании Г.Гюльбенкян. Именно его агенты через «Антиквариат» закупили первые шедевры «Эрмитажа», в том числе «Благовещение» — произведение нидерландского художника XV в. Дирка Баутса, полотна Рубенса, Рембранта и др. Все эти сделки совершались в абсолютной тайне с обеих сторон.

Пользуясь дружеским расположением и покровительством председателя Госбанка СССР Г.Пятакова, Гюльбенкян не испытывал никаких затруднений в закупке любых художественных ценностей. Тем не менее он не раз предостерегал советских руководителей о возможности неблагоприятных для обеих сторон последствий.

Как же реагировали на расхищение культурного достояния страны другие официальные лица? Есть свидетельства позиции некоторых из них. Так, М.Литвинов, будучи заместителем, а потом и наркомом иностранных дел, возмущался этим, но, по его словам, не мог ничего поделать. Председатель ЦИК СССР М.И. Калинин, узнав о распродаже картин из «Эрмитажа», заявлял, что это делали в его отсутствие. А.В.Луначарский также на словах был против разбазаривания культурного достояния, но при этом ссылаясь на то, что имеет слишком мало влияния.

Одним из крупных обладателей российскими культурными и художественными ценностями стал в 20-е годы Арманд Хаммер. В обмен на американскую пшеницу он получал уральские самоцветы и другие сокровища. Вернувшись после девятилетнего пребывания в СССР на родину он распродавал в Сент-Луизе, Чикаго картины, предметы искусства, вывезенные из России.

Трагичной после Октября 1917 г. оказалась и судьба неисчислимых культурных богатств Русской Православной церкви. Сначала на продажу в основном шла реквизированная церковная утварь. Но это было начало уничтожения фундамента культуры страны. На защиту церковных культурных ценностей выступил тогда Павел Флоренский. В октябре 1918 г. он сделал доклад в Комиссии по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой лавры. Флоренский ходатайствовал о сохранении в древних стенах действующих монастырей и притом не в интересах одной только религии, но и ради сохранения основ отечественной культуры. «Неужели же нам все равно, — с тревогой и горечью говорил он, — что разрушаются своды высоких архитектурных достижений, что

осыпаются фрески и перема-зываются или расхищаются иконы?

Следует отметить, что декрет Совнаркома РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» проводился пятым от-делом Наркомюста, называющимся «ликвидационным».

До революции в России было более тысячи монастырей, а к 1923 г. их оста-лось менее трети. Многие из них были превращены в историко-бытовые музеи. Именно после революции оказалась трагичной судьба памятника XV века — мо-настыря Оптиная Пустынь, являющегося светочем Русской Православной церкви. Широчайшей популярностью пользовалась библиотека монастыря. Здесь насчитывалось более 33 тыс. томов. В фондах была уникальная коллек-ция греческих и китайских книг, рукописей из собраний иеромонахов. В 1924 г. Оптиная Пустынь была объявлена историко-мемориальным памятником-музеем. Но в 1927 г. он вдруг закрылся. Книги и рукописи были изъяты: их склады-вали в мешки и отправляли в Москву. Мебель, вещи, церковные ценности пря-мо в монастыре продавали с аукциона. Оклады икон и иконостасов отправили на переплавку на завод. Часть невывезенных бесценных книг и других монастырских ценностей разобрали жители Козельска.

Один из ключевых и драматических моментов в истории отношений пар-тии большевиков и Советского государства к церкви является принятие и на-сильственное осуществление декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 г. «Об изъятии церковных ценностей для борьбы с голодом».

Как показывают исторические документы, церковные ценности партийны-ми и государственными органами рассматривались средством не для преодоле-ния голода, как сообщалось в официальной пропаганде, а для получения ва-лютных средств в бюджет.

Местным советским органам предлагалось «немедленно изъять из церков-ных имуществ все ценные предметы из золота, серебра и камней и передать в органы Наркомфина...». Было изъято 33 пуда золота, 23997 пудов серебра, 14 пудов жемчуга, 35 тыс. алмазов и бриллиантов, 71 тыс. других драгоценных камней.

Директор русского отдела американской миссии по оказанию помощи России Хаскель обратился к Советскому правительству с запросом о стоимости подлежащих изъятию из церквей драгоценных предметов религиозного культа. Америка хотела сохранить эти драгоценности, возместив Советам их стоимость в виде продовольствия и зерна. Однако это предложение у руководителей страны Советов поддержки не нашло.

В соответствии с указанным декретом утратили свою культурную и историческую ценность многие сокровища, принадлежавшие церкви. На Запад за бесценок была продана значительная часть из них, в том числе древнейший Си-найский кодекс Библии, Коран с кровью пророка Али, Новый Завет, переписанный митрополитом Алексием и др. Из церковного серебра во время денежной реформы 20-х годов чеканили монету.

19 марта 1922 г. В.И.Ленин внес на рассмотрение членов Политбюро ЦК РКП(б) секретную инструкцию, предписавшую арестовать как можно больше представителей духовенства, мещанства и буржуазии по подозрению в сопротивлении декрету ВЦИК об изъятии церковных ценностей. Ленин при этом предложил дать «самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий».

В.И.Ленин считал, что голод представляет из себя не только исключительно благоприятный, но и вообще единственный момент, «когда мы можем 99 из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий». Под неприятелем он имел в виду Русскую православную церковь во главе с патриархом Тихоном и рекомендовал: «Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся расстрелять, тем лучше».

Изъятие церковных ценностей рекомендовалось провести «с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления», чтобы обеспечить в бюджете фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей. При этом Ленин указывал на «гигантские богатства некоторых монастырей и лавр».

Характерно, что Ленин, говоря о размере изъятия церковных ценностей, даже не упоминает о связи этой операции с борьбой с голодом. Он указывал, что «без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство,

Автор: С. А. Галин, Е. В. Александрова
23.01.2011 22:26 -

в частности, и никакое отстаивание своих позиций в Генуе в особенности, совершенно немыслимы». Именно в этих внутренних и международных государственных целях он далее категорически дает директиву: «Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало».

А «отчаянный голод», по ленинскому определению, является лишь хорошим моментом для осуществления этой насильственной акции. При этом высказывается опасение народного возмущения, а также неблагоприятной международной реакции на насилие церкви. Поэтому не случайно этой кампании придавался совершенно секретный характер.

На заседании Политбюро ЦУ РКП(б) 20 марта 1922 г. был единодушно принят предложенный Лениным и Троцким план всей кампании по изъятию церковных ценностей. В центре и на местах в этих целях создавались «секретные руководящие комиссии». В их состав предусматривалось обязательно включить руководителей партийных органов. От Политбюро главным организатором всех этих дел являлся Л. Д. Троцкий.

В каждой губернии определялось проведение специальных агитационных «недель» по изъятию церковных ценностей, чтобы добиться, как указывал Ленин, «сочувствия масс». Кроме того, перед агитаторами ставилась задача внести раскол в духовенство, и рекомендовать организацию даже манифестов «с участием гарнизона при оружии» с плакатами: «Церковные ценности для спасения жизни голодающих». А на саму акцию изъятия ценностей предусматривалось «выпускать в церквях» голодающих, которые, конечно, не могли знать, что все ценности из церквей пойдут на другие цели. Вот такую партийно-военизированную директиву-инструкцию по изъятию церковных ценностей и утвердило Политбюро ЦК РКП (б) 20 марта 1922г.

В 1922 г. по всей стране прокатилась волна судебных процессов, в ходе которых было рассмотрено около 250 дел о сопротивлении верующих разграбленным церквям. В мае 1922 г. ревтрибунал в Москве приговорил 11 чел. к расстрелу, и 30 чел. к тюремному заключению на разные годы. Вся эта насильственная кампания по изъятию церковных ценностей была настоящим, ничем не спровоцированным, массовым террором против священнослужителей Русской православной церкви и верующих во имя разграбления культурного достояния страны России за границу.

Уничтожение и разграбление культурного достояния России после октября 1917 г.

Автор: С. А. Галин, Е. В. Александрова
23.01.2011 22:26 -

Этот большевистский нигилизм по отношению к культурному наследию являлся отражением ленинских взглядов, а также последствием партийной мо-нополии на власть в сфере культуры.